

Напрасные слова. Как евреи в Российской империи за равноправие боролись

Невский проспект, Санкт-Петербург

На что надеялись издатели первых еврейских газет в России, как полемика «Сиона» с украинским журналом «Основа» прозвучала на всю империю, и почему «Русский еврей» редактировал убежденный антисемит Петр Рачковский — об этом и многом другом в интервью с выпускником магистерской программы по иудаике НаУКМА Романом Виленским.

— Роман, кого мы могли бы назвать родителями феномена русско-еврейской прессы, возникшего в середине XIX века?

— Отцы этого явления — молодые еврейские просветители, овладевшие государственным языком и мечтавшие стать частью российского общества. А матерью была сама империя — точнее, правительство, стремившееся ассимилировать «подданных Моисеева вероисповедания» и «искоренить зло, от них исходящее».

Первое поколение русско-еврейской интеллигенции видело себя посредником между общиной и властью, неким агентом влияния и в той, и в другой среде. Хотя, по меткому замечанию историка Джона Клира, речь шла о самозванцах, поскольку ни еврейский народ, ни государство российское их на это не уполномочивали. Маскилим верили, что в состоянии решить «еврейский вопрос» в России, но не были востребованы ни державой, которую считали своей, ни соплеменниками.

— *Насколько они представляли свою потенциальную аудиторию?*

— Крайне поверхностно. Подавляющее большинство евреев, живших в черте оседлости, русского языка не знали, а вопрос гражданского равноправия волновал их лишь в контексте призыва в армию и налогового бремени.

Правда, первые русско-еврейские журналисты полагали, что читать их будут, прежде всего, неевреи, от которых и зависело решение пресловутого «еврейского вопроса». Характерная цитата от выдающегося историка Шимона Дубнова: «Журнал «День» обращался не столько к еврейской, сколько к русской публике, в приятном заблуждении, что последняя читает «День» и что она ...придет в умиление и признает необходимость нашего равноправия».

Издатели еврейских газет всерьез рассчитывали, что их деятельность приведет к изменениям государственной политики и подточит традиционный великодержавный антисемитизм. Это было крайне наивно — российскому обществу подобные издания были глубоко безразличны, а русская читательская аудитория была еще меньше еврейской. Достаточно сказать, что первый том «Еврейской библиотеки» вышел тиражом 400 экземпляров, журнал «Восход» стартовал в 1881 году с 950 экземплярами и достиг максимального тиража — 4397 экземпляров — в 1895-м, когда в России насчитывалось около четырех миллионов евреев.

Одесса в конце XIX века

— Появление первых русско-еврейских изданий именно в Одессе — закономерность?

— Безусловно. В этом городе в середине XIX века до трети евреев имели светское образование, владели русским языком и разделяли либеральные взгляды. Одесса тогда была главным центром российского еврейства, нигде — даже в Петербурге — не было такого тесного соприкосновения еврейской интеллигенции и русской культуры.

— Говорят, сам Николай Иванович Пирогов — выдающийся хирург, занимавший должность попечителя Одесского учебного округа, приложил руку к изданию первого в империи русско-еврейского журнала?

— Да, Пирогов еще в 1856 году благосклонно принял идею публициста Осипа Рабиновича о еврейском периодическом издании, которое, по мнению учредителя, должно быть выдержано «в консервативном и верноподданническом духе». В обращении к Пирогову Рабинович отмечал, что «издание будет преследовать истинную религиозность и нравственность,

любовь к Отечеству и стремиться приохотить евреев к изучению отечественного языка и споспешествовать видам правительства».

Несмотря на столь благообразный посыл, Рабиновичу поначалу отказали, но влияние Пирогова принесло плоды, и в январе 1860 года разрешение на создание первого русско-еврейского журнала под названием «Рассвет» было получено. Основной его целью стало «просвещение народа путем обличения отсталости еврейской массы и сближения его с окружающим населением». Свое кредо издатели изложили в программной статье:

«Рассвет» не будет молчать ни о наших нуждах, ни о наших недостатках, потому что без раскрытия последних не может быть удовлетворено первое. ...еврейское общество достаточно мудро и зрело и далеко не так консервативно, как о нем принято думать, и будущее евреев в России ожидает самое светлое, а кто в этом сомневается, тот не видит признаков времени.

Николай Пирогов

Осип Рабинович

Редакция искала союзника в лице русской либеральной интеллигенции, но лозунги о мире и дружбе между еврейским и русским народами не приносили ожидаемого результата. При этом, несмотря на «верноподданнический дух»,

цензура часто пускала в ход ножницы, а Рабиновичу постоянно угрожали прикрыть «Рассвет». С другой стороны, многие евреи критиковали позицию редактора, якобы поливающего грязью честное имя местечкового еврея. Количество подписчиков падало с каждым номером, и журнал закрылся 19 мая 1861-го, просуществовав всего год.

Тем не менее «Рассвет» стал знаковым явлением в истории российских евреев. Его печальный опыт доказал, что ключ к решению «еврейского вопроса» — вовсе не в выборе языка, а в политике властей в отношении евреев. Просчитались и чиновники, полагавшие, что подобный журнал ускорит полную ассимиляцию еврейского меньшинства. Отчасти эти ожидания оправдались, но в ответ на законные требования журнала уравнивания евреев в правах цензоры вернулись к практике закручивания гаек.

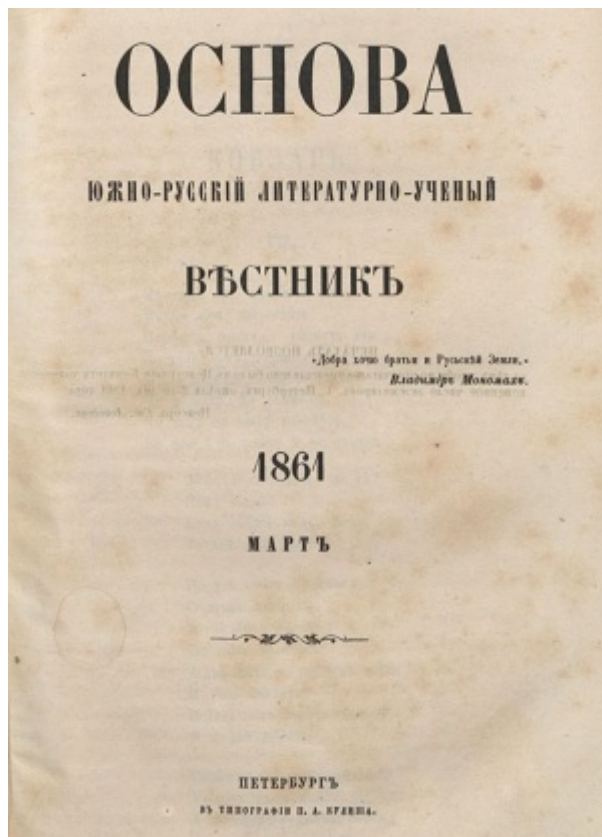
К закрытию «Рассвета» приложил руку и новороссийский генерал-губернатор граф Строганов — любимец либеральной интеллигенции и, между прочим, сторонник еврейского равноправия. «Ну вот, какая-нибудь статья вашего журнала мне не понравится, потому что мне скучно или я в дурном расположении духа, ну вот просто у меня желудок плохо варит — и я немедленно закрою ваш журнал», — цитировал Рабинович графа.

— Тем не менее сразу после закрытия «Рассвета» эстафету подхватил «Сион» — и тоже в Одессе.

— Да, он почти копировал предшественника и старался еще меньше критиковать правительство, сглаживая все острые углы...

— И тут «еврейский вопрос» весьма неожиданным образом схлестнулся с вопросом украинским...

— Полемика «Сиона» с выходящим в Петербурге украинским журналом «Основа» прозвучала на всю империю. Издания эти занимали по отношению к национальной политике властей полярные позиции: «Сион» декларировал, что «дело евреев как российских подданных ...является делом общероссийским», «Основа» же стояла на подчеркнуто украинофильских позициях. Редакция «Сиона» выступала за русскоязычное образование в еврейских учебных заведениях, «Основа» настаивала на украинском языке в национальных школах.

Журнал «Основа»

Пантелеймон Кулиш

Все началось с обвинений «Основы» в адрес евреев, мол, «еврейское племя до сих пор живет отдельно и не сделало ни одного шага к сближению с южно-русским населением, а, наоборот, нередко действует противно духу и пользе нашего народа». В «Сионе» усмотрели в этом проявление юдофобии и заявили, что «Основа» не только «не осуждает старой ненависти украинцев к евреям, но и считает, что евреи должны считаться недружественными большинству населения Украины». При этом в «Сионе» рассматривали украинцев как одну из частей русского народа и в «Основе» видели прямую угрозу общероссийским интересам.

Надо сказать, что авторами «Основы» в те годы были Пантелеймон Кулиш, Николай Костомаров, Тарас Шевченко, Марко Вовчок и многие другие. Все вышеперечисленные мэтры украинской литературы (творчество которых было не лишено антиеврейских стереотипов, — прим. ред.) консолидированно выступили на страницах журнала «Русский вестник» против антисемитской публикации российского журнала «Иллюстрация» в 1858 году. Причем, их письмо-протест было опубликовано отдельно от аналогичного протеста русских писателей.

В статье «Передовые жидаы» в сентябрьском номере «Основы» за 1861-й год Пантелеймон Кулиш обвинил еврейскую интеллигенцию в национальном эгоизме и в недостойной манере ведения полемики, напомнив об украинской реакции на публикацию в «Иллюстрации».

Для разрешения спора в качестве третьей стороны была призвана «большая» русская журналистика, что лишь углубило проблему. Основная масса российских газет и журналов высказались в поддержку «Сиона». Мотив их был прост: «Сион» настаивал на поддержке еврейским народом российской государственности, что соответствовало политике великорусских изданий за исключением мелочи — там, в отличие от «Сиона», не считали целесообразным уравнение в правах еврейского народа с русским.

Дискуссия эта нанесла ущерб всем сторонам, а «Сион» и «Основа» были закрыты почти одновременно, что представляется символичным.

— Символично и то, что оба журнала преследовали в общем-то одну цель — эмансипацию своих народов в рамках Российской империи...

— Да, и украинское, и еврейское издания были созданы национальной интеллигенцией. Редакции обоих журналов состояли из историков, журналистов, литераторов — людей, весьма далеких от образа жизни и образа мысли подавляющего большинства собственных народов. И так же, как традиционный еврей из подольского штетла вовсе не мечтал обрусеть, заговорив на «великом и могучем», так и украинский крестьянин не мыслил в национальных категориях, свойственных просвещенным авторам «Основы».

«Штетл», худ. Елена Котляр

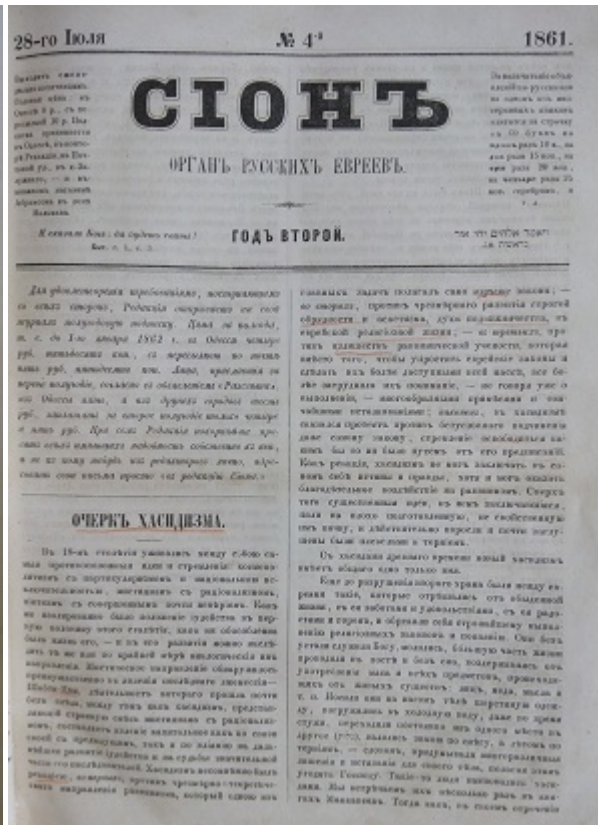
— Создается впечатление полной покорности русско-еврейских изданий имперскому мейнстриму, делавшей их игрушкой в руках властей...

— Это не так. Русский язык действительно укрепил позиции среди еврейской интеллигенции, но больше власти записать в свой актив было нечего. Интеллигенция эта не стала «ручной», напротив, получив образование и вес в обществе, принялась настойчиво требовать равных гражданских и политических прав для соплеменников. Собственно, неготовность власти даже обсуждать этот вопрос привела к цензурным преследованиям всей русско-еврейской периодики.

— Наследник «Рассвета» и «Сиона» — журнал «День» — был основан в 1869 году и, кто бы мог подумать, снова в Одессе. Чем он отличался от предшественников?

— В программе не было пунктов о распространении русского языка и «перевоспитании» российских евреев. Цензура сразу взяла новое издание на карандаш, журнал пестрел объявлениями о том, что те или иные материалы не могут быть напечатаны «по независящим от нас причинам». Реакция «Дня» на одесский погром 1871 года и обвинения властей в бездеятельности привели к тому, что более половины текстов в соответствующем номере были запрещены к публикации. Тем временем в самой редакции возникли фракции «радикалов», требовавших предания самому строгому суду вдохновителей и

попустителей погрома, и «умеренных», боявшихся дразнить «административных гусей». В этих условиях 8 июня летом 1871 года редактор Семен Оренштейн поместил объявление о прекращении выпуска журнала из-за преследований цензуры.

— После этого центр русско-еврейской периодики переместился в Санкт-Петербург?

— Да, это было время стремительной эмансипации российского еврейства, число евреев в средних учебных заведениях возросло на 228%, больше стало и студентов-евреев. Что касается Петербурга, то здесь к 1881 году проживало 17 000 иудеев, многие из них с высшим образованием. Вместе с тем идеи «сближения» и «слияния» еврейского народа с русским постепенно теряли своих сторонников. Так появился на горизонте и через 25 номеров — в 1873 году — исчез «Вестник русских евреев», где евреям в качестве маркера оставляли, главным образом, религию.

Лишь в 1879 году в Петербурге одновременно начали выходить два русско-еврейских журнала — второй «Рассвет» и «Русский еврей». «Рассвет», чья редакция состояла из ассимилированной интеллигенции, идеологически был

близок русским народникам. В отличие от всех предыдущих еврейских журналов для него были приоритетными национально-религиозные ценности, возрождение иврита и поддержка эмиграции из Российской империи, в том числе в Палестину, — издание симпатизировало идеям Ховевей Цион.

Создание журнала совпало с ростом антисемитских настроений в российском обществе и волной кровавых погромов в Елисаветграде, Киеве, Кишиневе, Ялте и Одессе. «Рассвет» нещадно критиковал власть если не за соучастие, то за пассивную поддержку погромщиков.

Илья Оршанский

*Министр внутренних дел граф
Игнатьев*

16 января 1882 года министр внутренних дел граф Игнатьев принял д-ра Илью Оршанского, одного из редакторов «Рассвета», сообщив ему, что «... западная граница для евреев открыта». Публикация этой беседы вызвала шок у большинства представителей русско-еврейской интеллигенции — с этого времени «Рассвет» стал главным глашатаем организованной эмиграции евреев из Российской империи. Два других петербургских русско-еврейских журнала — «Русский еврей» и «Восход» — категорически возражали против такого решения еврейского вопроса.

— Правда ли, что на должность редактора «Русского еврея» был приглашен Петр Рачковский

— в будущем — заведующий заграничной агентурой департамента полиции, один из организаторов еврейских погромов и инициатор создания «Протоколов сионских мудрецов»?

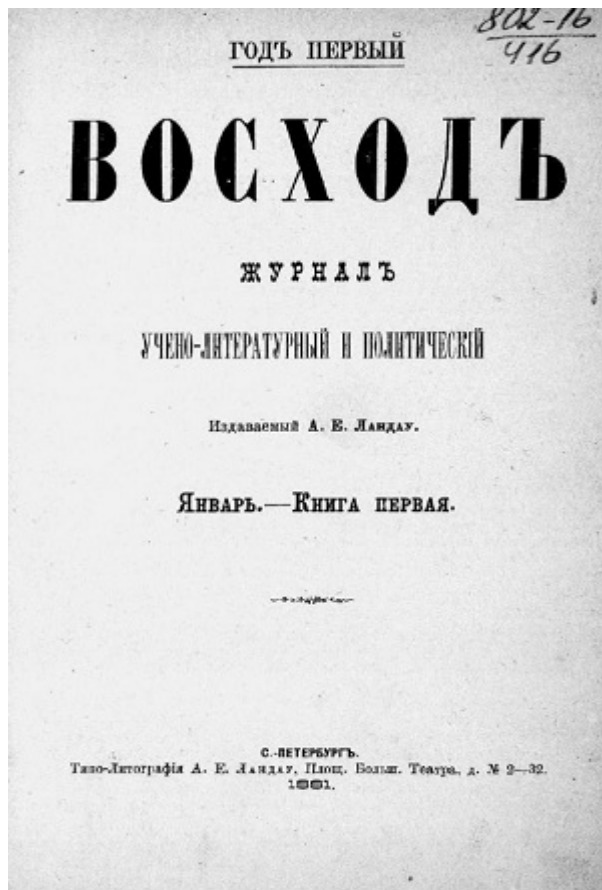
— Да, об этом упоминают многие источники. Рачковский — тогда простой судебный следователь — в юности был народовольцем, отличался либеральными взглядами и в течение четырех месяцев редактировал «РЕ». В том же 1879 году он был арестован за связь с революционерами и завербован охранкой. Примечательно предупреждение исполнительного комитета «Народной Воли», опубликованное в газете с одноименным названием 20 августа 1879 года:

«Исполнительный комитет извещает, что Петр Иванович Рачковский — бывший судебный следователь в Пинеге ...сотрудник газет [«Новости»](#) и [«Русский Еврей»](#) — состоит на жалованьи в III отделении...».

Так или иначе, после ухода Рачковского журнал занял более независимую позицию, оставил идею «взаимного сближения евреев с русскими» и открыто поставил еврейский вопрос как проблему национальную.

— Долше всех из независимых еврейских изданий — почти четверть века — просуществовал «Восход», основанный в 1881 году. В чем секрет подобного долголетия?

— Во многом в личности редактора — Адольфа Ландау, который превратил журнал в центр еврейской политической, научной и литературной жизни. Шимон Дубнов, опубликовавший здесь свою серию статей «Письма о старом и новом еврействе», писал: «Никогда еще русские евреи не имели литературной трибуны, где с такой силой выражалось негодование против всевозможных проявлений юдофобии, против физических и нравственных погромов, как в публицистике «Восхода» 80-х годов».

Адольф Ландау и его «Восход»

Высокий уровень журналистики, содержание и «внепартийность» «Восхода» обеспечили ему широкую аудиторию, состоявшую как из еврейских, так и российских читателей. Тиражи журнала вполне можно было сравнить с тиражами таких крупных либеральных изданий, как «Вестник Европы» и «Неделя».

— Так и хочется вспомнить пророчество редакции первого «Рассвета»: «...будущее евреев в России ожидает самое светлое, а кто в этом сомневается, тот не видит признаков времени».

— Предсказатели из них оказались никудышные. И дело не только в неверной оценке «признаков времени». Просто русскоязычная еврейская интеллигенция не была выразителем мнения сколь-нибудь значительной части еврейской общины. А русская либеральная интеллигенция в большинстве своем игнорировала попытки еврейской периодики заручиться поддержкой в деле борьбы за еврейское равноправие.

«Восход» был закрыт после революции 1905 года, когда еврейские политические группы получили представительство в Государственной думе. Теперь российские евреи могли отстаивать свои права в высших государственных органах, и потребность в так называемых «беспартийных» периодических изданиях отпала. Зато возникло множество газет и журналов всех идеологических направлений — от БУНДовских до сионистских. Впрочем, это уже другая история.

Беседовал Михаил Гольд